

Большой театр - 1946 - 23 мая (с. 37).

Маленькие курьезы Большого театра

В опере «Тихий Дон» выступал Михаил Сказин, обладатель хорошего голоса. Он исполнял маленькую партию, в которой должен был спеть несколько фраз, очень трудных по ритму. Он не справлялся с этим ритмом, подвирал, но Самосуд, зная это, его ловил. Однажды Сказин заболел, и его роль поручили исполнить очень музыкальному певцу Хапову. Он должен был спеть эти фразы в глубине сцены, и Хапов, дирижируя сам себе, все спел абсолютно верно. Самосуд даже встрепенулся. Когда закончилось действие, Хапов пришел в дирижерскую комнату, ожидая, что Самосуд его похвалит, и спрашивает:

— Самуил Абрамович! Как я пел?

Тогда Самосуд с присущим ему юмором неожиданно отвечает:

— Слушайте, дорогой мой, вы меня чуть не сбили!

Другой забавный случай произошел с артистом Дровяниковым. Он пел партии Спарافуччи, Гремина, Гудала, а в «Тихом Доне» исполнял роль войскового атамана. Постановщикам оперы казалось, что если он выйдет на сцену пешком, то это будет неэффектно. Лучше, если бы певец выезжал на лошади. Дровяников не испугался.

— Вы знаете, я донской казак, я умею обращаться с лошадьми. Не беспокойтесь, все будет в порядке.

Ему показали его лошадь, он ее долго кормил сахаром и пряниками и вступил с ней в дружеские взаимоотношения. Когда же на спектакле войсковой атаман должен был выехать на площадку и произнести небольшой монолог, возвести, что объялена война с Германией, лошадь вдруг заволоновалась и не захотела идти на сцену. Тогда Дровяников ее прищипорил, и она со всего маху пронесла его через всю «площадку». Он успел только крикнуть:

— Казаки, за мной!

Смешной был случай на опере «Саломея» Рихарда Штрауса. В этой опере на сцене поет хор евреев, и Сук долгое время бился над стройностью его звучания. Когда же этот хор был отретирован, Сук объявил: «Все евреи свободны». И вдруг весь оркестр поднялся и собрался уходить.

— Да нет, нет! — закричал Сук. — Не эти евреи, а те, которые на сцене!

...В «Русалке» партию Княгини исполняла Фаина Сергеевна Петрова, очень музыкальная певица, которая хорошо владела форте-

Иван Петров

пиано. Фаина Сергеевна рассказывала мне, что когда она учила партию, то играла подрадь весь клавиш и пела за всех певцов, поэтому знала всю оперу наизусть. И вот в самом последнем акте, на берегу Днепра, когда Княгиня появляется здесь, чтобы уличить Князя в измене, Князь должен спеть ей фразу «Зачем вы здесь?». А она с разбегу произнесла эту фразу сама. Лапин, который пел Князя, оторопел от изумления, но быстро нашелся и спросил: «А вы зачем?».

Очень интересно ставил «Фауста» режиссер Смолч. У Фауста в кабинете стоял большой глобус, метра полтора в диаметре, сделанный из металлических прутьев, обтянутых материей. Перед появлением Мефистофеля внутри его загорались лампочки и получалось, что шар начинал гореть. Мефистофель появлялся, держа шар над головой, со словами:

— Вот я, чего ты дивись?

Но на самом деле Мефистофель не держал шар — он поднимался на тонком невидимом тросе. И вот Евгений Васильевич Иванов мне рассказывает:

— Ты знаешь, жду вчера своего появления, приготовился. «Ко мне, злой дух, ко мне!» — поет Фауст, а шар ни с места. Из люка его крутят, а он не поднимается. Ну я его на своем горбе поднял, а он такой тяжелый, да еще вокруг меня на стальном тросе вращается. Публика была довольна, а я еле довел сцену до конца.

Когда мы ретировались Фауста, то была такая мизансцена: «Мефистофель подходит с боюком вина и говорит: «Эй ты, божок, вина дай!» Он делает жест в сторону бочки, и оттуда начинает струиться вино. У нас было сделано так: все гласящие сидели за столом. Мефистофель проводил шпагой по столу, там были сделаны соответствующие контакты, из стола вылетали сильные искры и начинал бить фонтанчик с «вином». Мефистофель произносил: «Вот вино, идите, господа, и пейте на здоровье». Но однажды Пирогов выхватил шпагу, ударил сильно по столу и, видимо, согнул сосочек, из которого должно было бить «вино». Сильная струя попала ему прямо в рот. Он стал кашлять и выплевывать, ибо это, конечно, было не вино, а вода, и может быть, не очень чистая.

В балете «Барышня-крестьянка» партию главного героя исполнял Владимир Преображенский, очень красивый и прекрасный танцовщик. В этом балете есть такая сцена, где он с девушками играет в жмурки. Но они перестарались и завязали ему глаза так, что он, как ни старался приподнять повязку, так и не смог этого сделать. Ничего не видя, он побегал за ними и рыбкой полетел в оркестр, так что оркестранты уронили из рук инструменты. Но не успели все прийти в себя, как Преображенский турманом выскочил обратно и продолжал танцевать как ни в чем не бывало.

В Большом театре был очень хороший певец, высокий бас Анатолий Садомов. Правда, при мне он уже не пел, но до войны я слушал его в спектаклях. Он сильно заикался, но в пении это совсем не чувствовалось. Однажды Самосуд решил попробовать Садомова в «Севиильском цирюльнике» в партии Дона Базилио. Ему пришла идея попросить Садомова заикаться в речитативах, арию петь без заикания. Попробовали — все получилось замечательно. На все речитативах Садомов здорово заикался, это было очень смешно. И вот на премьере Садомов вышел и в волнении все речитативы спел без заикания. Никакого комического эффекта не получилось. Самосуд пришел к нему и говорит:

— Слушайте, дорогой мой, что же вы сделали?

Тогда Садомов отвечает:

— Са-самуил Абрамович, ну никак не мог!

Смешной случай произошел у Садомова и с Головановым. Обычно в «Пиковой даме» Томского пели такие певцы, как Григорий Пирогов, Савранский, Политковский. Но случилось так, что все они заболели, а спектакль нужно было проводить. Тогда Голованов предсказал: «Возьмите Садомова. Он может спеть. И баллада «Три карты» звучит у него замечательно». Голованов согласился:

— Ну, давайте!

Попробовали — все нормально. Но попробовали, правда, под ролью. На сцене Садомов стал все проникновенно выпевать. Голованов взял свой темп и начал его подгонять. Однако Садомов не успевал. Так он пел в своем темпе, а Голованов дирижировал в своем. После этого Голованов прибежал за кулисы и набросился на Садомова:

— Анатолий, черт бы тебя побрал, что ты пел!

А Садомов серьезно посмотрел на Голованова и говорит:

— Что успел, то и с-спел.

Голованов приходил на репетицию минимум за полчаса. Садился за пульт. Просматривал все ноты, пттрихи, все сверял. И когда минут за десять до репетиции он видел, что кто-то с прокладцей идет на репетицию, то уже не мог вытерпеть и вопрошал:

— Почему опаздываете?

Тот оправдывался:

— Николай Семенович, еще шесть минут до репетиции.

— Что шесть минут? Вам дойти до места надо? Достать инструмент надо? Сеть вам нужно? Развяться хоть немного нужно? Ноты раскрыть нужно? И вы хотите за шесть минут?

Был у нас Сердюков, обладавший зычным голосом. Он пел такие характерные партии, как Малиута в «Царской невесте», но часто он путал слова и путал так, что все актеры и публика не могли сдержать смеха. Однажды он вышел и спел: «Григорий, где же крестница тво-моя?» Потом, обращаясь по опричникам, объяснил: «Любовница Грязного. Мы из Кашеры увезли ее. Коса, как искры и глаза до пятк».

Вот такие маленькие курьезы были в Большом театре. Жалко, если они забудутся и уйдут в предание.

(Окончание. Начало в № 30 от 15 ноября с. г.)